

Живет в Хантингтоне (США).

НОСИТЕЛИ

Я гляжу из-под очков
в сочетания значков.
Слабый след эпохи вьюжной,
бред опасный, толк ненужный,
трёп о том или о сём,
груды дел и сны дневные
на носители иные,

не спросясь, перенесём.

Кто откроет файлы эти –
правнуки или прадеды,
или некий новый вид,
что земные наши звуки
через призрачные штуки,
сохранив, переменит?
Или тот потомок томный,
многоатомно-фантомный,
святоту свою храня,
игнорирует меня?

Где пою и где пирую
в брызгах древних языков,
мокрых водорослей сбрую
отведу с морских коньков.
В колеснице Амфитриты
совершая свой объезд,
знаю карту этих мест,
где сокровища укрыты,
где существ прозрачных друзья
в мелких лужицах лежат,
и нестрашные медузы
скользкой лавою дрожат,
а на камушках приливных,
исчезающих в воде,
виден след событий дивных,
не записанных нигде.

ИДИ ТУДА

Иди туда, где тонет свет,
где рифм набор из детских лет,
где букв слежавшиеся глыбы
и слов щербатые ряды
встают беззвучные, как рыбы
среди темнеющей воды,
и что-то ползает на дне.

Там дышит в многослойном сне
многоголосица прилива,
а жизни мелкая вода
прозрачна и нетерпелива;
там все твои: иди туда.

Но путь вперёд в песке сокрыт,
как блеск пиратского дублона –
так наша память говорит.
Она к природе благосклонна,
но любит ложные итоги
и возвращается в места,
где некогда бывали боги,
а нынче правит пустота.

В пределах нашего холста
все нарисовано красиво,
отображает перспектива
всю иллюзорность глубины;
кому же мы в итоге скажем
идти туда, где за пейзажем –
побелка каменной стены?

А впрочем, червь подводный точит
свой мягкий камень известняк,
и может быть, судьба захочет,
чтоб всё закончилось не так,
и станет виден текст подводный,
иного типа мир природный
за царством нашей пустоты,
иные рамы и холсты.
И книг несметные завалы
в библиотечных сундуках
откроют грани небывалы
в ещё не найденных веках.

МОЙ МИР

Произрастая из развалин
на зыбкой плоскости земной,
мой мир не кажется реален:
он не спрягается со мной.
В нём нет ни плотности, ни массы,
и бледен шрифт наборной кассы
и сочетания цветов;
мне неясна его дорога,
и к продолженью диалога
он оказался не готов.

Что нам сказать друг другу, право?
Что мне чужда его держава,

полозья, вставшие в пазы,
да старой истины азы?
А он вообще молчит веками,
и смысл его надёжно спит,
и солнце горными верхами
проходит, точно следопыт.

Так завари кантариону
(так по-болгарски зверобой),
и по заснеженному склону
иди за новою судьбой.
Она пока переводима
на вечный с нашего, пока
на свет окна, на запах дыма
ещё спешим издалека,
пока ещё иные дали
для нас привычными не стали,
как в те столетия, когда
свет был един со тьмой, вода —
с землей, а мир был слит с огнём,
и мы не думали о нём,
и жить в нём не предполагали.

[Страница автора в Сети](#)